

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П. Аникиев

Апология мистики по творениям преп. Симеона Нового Богослова

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1915. № 2. С. 253-273.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Апология мистики по твореніямъ преп. Симеона Новаго Богослова *).

3. Какъ положеніе о томъ, что человѣку, сколько то ему доступно, можно зрѣть Бога, пытаются смягчить оговоркой— „только послѣ смерти, въ будущей жизни“, такъ и утвержденіе о доступности человѣку богозрѣнія именно въ этой жизни стараются ограничить, какъ мы уже видѣли, лишь кругомъ святыхъ, особо избранныхъ людей. На это преп. Симеонъ возражаетъ слѣдующее: „если кто думаетъ, что такое совершенство, именно „знать чувствомъ и опытомъ душевнымъ, что въ Богѣ пребываешь и Богъ въ тебѣ, что имѣешь въ себѣ вѣчную жизнь“,—прилично только апостоламъ и древнимъ святымъ, и говорить, что мы, сколько бы ни подвизались, не можемъ уподобиться древнимъ святымъ, и надежды даже не имѣемъ сдѣлаться подобными имъ; то кто изъ знающихъ Бога и сострадающихъ братіямъ своимъ не восплачетъ о такомъ отъ всей души своей? Ибо если Богъ велегласно призываетъ: святіи будите, якоже Азъ святъ есмь (I Петр. I, 16), и въ другомъ мѣстѣ: подобны будьте Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ (ср. Мѡ. V, 48) и Павелъ: подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу (I Кор. IV, 16),—а этотъ противный сему пишетъ законоположенія, то навѣрнѣйше онъ явный есть антихристъ и богоборецъ. Ибо говорить, что иные были тѣ, и иные мы,—иначе тѣхъ любилъ Богъ, сподобившій ихъ великихъ даровъ Св. Духа, и иначе относится Онъ къ намъ; насъ, говорить, Онъ едва милуетъ, прощаетъ только намъ грѣхи наши и спасаетъ насъ, если

*) Продолженіе. См. январь.

покаемся; понесемъ какія-либо произвольныя лишенія и поплачемъ; быть же намъ какъ апостолы или какъ древніе святыя никакъ невозможно. И тѣхъ, которые почитаютъ сіе возможнымъ, называетъ онъ гордыми и хульниками, которыхъ, говоритъ, не надо совсѣмъ слушать,—и повелѣваетъ бѣгать отъ нихъ. Какое пагубное заблужденіе, чтобы не сказать, какое нечувствіе и невѣріе!“ (сл. 87, All. LXVI, II, 451—452). Въ другомъ словѣ—47-мъ, спеціально трактующемъ о томъ, „что не слѣдуетъ никому говорить, что въ нынѣшнее время невозможно всякому, кто захочетъ, взойти на верхъ добродѣтели и подражать древнимъ святымъ“ (I, 424—433, Mg. 30 orat. 470 В—476 С), преп. Симеонъ, касаясь дара слезъ, имѣющаго по его ученію столь важное значеніе въ стяжаніи мистическаго опыта, говоритъ: „скажи же мнѣ, человѣче, почему невозможно каждодневно плакать? А святыя чѣмъ другимъ просіяли въ мірѣ и сдѣлались свѣтилами для него? Если бы это невозможно, то и они не могли бы это справить; потому что и они были люди, какъ и мы, и ничего особеннаго предъ нами не имѣли, кромѣ добраго проіавленія и ревности о всякомъ добрѣ, терпѣнія, смиренія и любви къ Богу. Такъ скажи себѣ это и ты, и душа твоя, вмѣсто окаменѣлой и ожесточенной, сдѣлается источникомъ слезъ; если же не хочешь сокрушаться и воздыхать, то не говори по крайней мѣрѣ, что это дѣло невозможное“ (I, 429=Mg. 30 or. 474 АВ).—При этомъ преп. отецъ высказываетъ мысль, что теперь даже удобнѣе и легче спастись и вѣровать, чѣмъ во времена апостоловъ, которые сподобились видѣть Христа Господа тѣлесными очами, и во времена святыхъ отцовъ: „совсѣмъ неравно нынѣшнее тогдашнему, но и несравненно больше того, и удобнѣе приводитъ насъ къ совершеннѣйшей вѣрѣ, нежели тогда, какъ видѣли Господа тѣлесно и слышали слово Его. Ибо тогда Господь нашъ являлся человѣкомъ простымъ, смиреннымъ и униженномъ, какимъ и признавали Его неблагодарные іудеи..., а теперь Онъ проповѣдуется намъ Богомъ истиннымъ“ (I, 424—425=Mg. 30 or. 470 CD); а что касается временъ святоотеческихъ, то мы „находимся въ болѣе безопасной пристани, чѣмъ святыя отцы. Тогда было много ересей, много лжехристовъ, много христоторговцевъ, много лжеапостоловъ..., которые, шатаясь по градамъ и весямъ, смѣло сбали плевелы лукаваго діавола..., а теперь, хотя не

мало еретиковъ, волковъ, аспидовъ и змій, вращающихся среди насъ, но они не имѣютъ власти явно нападать на насъ, а скрываются во мракѣ злобы и лукавства своего“... (I, 426—427, Mg. 30 ог. 471 В—472 В).—Слѣдов. насъ не должна смущать маловѣрная боязнь уподобиться святымъ, разъ мы имѣемъ твердую вѣру въ Христа Спасителя, полагаемся на Него и на дарованную Имъ всесильную благодать: „если случится имъ (противникамъ мистики)—писать преп. Симеонъ—услышать о комъ-либо, что онъ удостоился увидѣть свѣтъ Божій и Самого Бога во свѣтѣ славы и разумно позналъ въ себѣ присутствіе и дѣйствіе Духа Святаго и сталъ одѣянъ благодатію Духа Святаго... то тотчасъ, какъ псы разъяренные, начинаютъ лаять противъ него... говоря ему: перестань, прельщенне и горделиве! Кто въ теперешнее время можетъ сдѣлаться такимъ, каковы были древніе отцы? Или кто можетъ видѣть Бога хотя мало нѣкакъ?... Таковымъ, мнѣ кажется, я долженъ достойно отвѣтить... о братія! Изъ васъ дѣйствительно никто, какъ говорите, не видѣлъ Бога; но изъ тѣхъ, которые самоохотно взяли на себя крестъ Господень и потекли тѣснымъ путемъ, готовы будучи и душу свою погубить за животъ вѣчный, изъ этихъ многіе видѣли Бога, и прежде и теперь, какъ думаю, многіе видятъ Его, *и всякій можетъ увидѣть Его, если возжелаетъ сего и устремится къ сему какъ должно*; только вы, по развращенію сердца вашего и по зависти, не можете видѣть такихъ людей“... (сл. 80. All. LV, II, 340—341). Даже грѣшники, при условіи покаянія, которое чрезъ Христа открыто всѣмъ (ср. сл. 26. All. XLVIII, eth. 2, I, 233—234 и сл. 32. All. LXIV), могутъ стать „зрителями свѣта“: „Кто это Ты, Сокрытый, все зришь?—воскликаетъ св. отецъ,—какъ мы не видимъ Тебя, а Ты зришь все? Однако, лишь тѣмъ, которые усердно ищутъ Тебя, Ты являешь Себя, дѣлая ихъ Своими друзьями. Всѣ смертные, даже великіе грѣшники, разъ покаются, дѣлаются сынами Твоего Божественнаго свѣта (*divinae lucis tuae filii evadunt*). Свѣтъ всегда рождаетъ свѣтъ: такъ и эти, будучи свѣтомъ, суть сыны Божіи и боги по благодати, поскольку они честно Твои заповѣди исполняютъ“... (*div. amor. 8 cap. 579 AB*). „...Духовное рожденіе совершаетъ въ насъ таинство обновленія душъ человѣческихъ, благодатію Святаго Духа соединяя и сочетавая насъ съ воплотившимся Сыномъ Божіимъ и Богомъ, чрезъ Коего мы во чревѣ пріа-

хомъ, и поболѣхомъ и родихомъ духъ спасенія (Ис. XXVI, 18). Возвѣщаю же я о семъ для того, чтобы явно представить неизреченную любовь Божию къ намъ, и то, что если захотимъ, то и мы всѣ... можемъ сдѣлаться матерію Иисуса Христа Господа и братіями Его, и подобными ученикамъ Его и апостоламъ, не по достоинству оныхъ и не по трудамъ, какіе подъяты ими въ проповѣди евангелія, но по благодати Божіей, которую богато изливаетъ Онъ на вѣрующихъ въ Него и послѣдующихъ Ему, не возвращаясь вспять, какъ Самъ Христосъ всѣмъ явно возвѣщаетъ о семъ, говоря: Мати Моя и братія Моя сіи суть, слышашіи слово Божіе, и творящіи е (Лук. VIII, 21)...“ (сл. 45-е, Ал. XLV, I, 397; ср. II, 484).

Данная намъ благодать Божія дѣйствуетъ независимо отъ всевозможныхъ внѣшнихъ ограниченій и побора внутреннія препятствія, каковыми въ настоящемъ случаѣ являются человѣческія страсти: „если исповѣдуешь, пишетъ преп. Симеонъ,—что Христосъ есть свѣтъ міра по Божеству, то какъ думаешь, что Онъ въ тебѣ есть, а говоришь, что не видишь Его? Если скажешь, что Духъ Святой въ тебѣ заслоняется страстями, то дѣлаешь Бога описуемымъ и преодолеваемымъ отъ зла и тьмы, сущихъ въ тебѣ: ибо злоуміе и страсти и безъ дѣлъ грѣховныхъ суть тьма. Итакъ, кто говоритъ, что имѣетъ въ сердцѣ своемъ свѣтъ покрытымъ тьмою страстей и потому не видитъ его, тотъ утверждаетъ, что свѣтъ Божій преодолевается тьмою человѣческой, и доказываетъ, что лжетъ Духъ Святой, Который говоритъ чрезъ евангелиста Іоанна: и свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объятъ... Познай же ты, говорящій сіе,... что явно грѣшишь въ вѣдѣніи, ибо, если сознаешься, что тьма страстей покрываетъ находящійся въ тебѣ свѣтъ, то прежде всего другого себя самого обличаешь, говоря, что сидишь во тьмѣ и состоишь подъ властію страстей... лежишь въ праздности и бездѣйствіи во тьмѣ страстей... презираешь Христа..., оставляя Его лежать въ нечистомъ сердцѣ твоёмъ, какъ въ нѣкоемъ блатѣ“ (сл. 57, Ал. LVI, eth. 10, II, 51—53).—„Увѣровать словесамъ Бога нѣтъ никакого препятствія, которое бы ставило преграду къ тому. Какъ только захотимъ отъ всей души нашей, тотчасъ и увѣруемъ, ибо вѣра есть даръ всеблагого Бога...“ (сл. 56, II, 21—22=Mg. 693 C—694 B; ср. Ал. XXII); посему нельзя никому отчаиваться получить даръ „вѣдѣнія, созерцанія и

чистоты“, „еще въ настоящей жизни достигнуть того, чтобы Христосъ обиталъ внутри его...“ (сл. 52, All. XLIX, I, 480). А разъ дѣло обстоитъ такъ, то всѣ внѣшнія условія не могутъ имѣть рѣшающаго значенія: стяжаніе дара мистическаго воспріятія, „арѣнія свѣта“, независимо отъ возраста, внѣшняго положенія, обстоятельствъ жизни и происхожденія (см. сл. 56, All. XXII, Mg. 697 B, 699 C, 700 D), ибо „видѣтъ свѣтъ истинный“, „стяжать въ сердцахъ своихъ сокрытую жизнь вѣчную“—„всѣхъ призываетъ Богъ отъ востока до запада, и іудеевъ и еллиновъ“ (сл. 26, All. XLVIII, eth. 2, I, 239). Мистикомъ, т. е. богозрителемъ, можетъ сдѣлаться какъ живущій среди міра, такъ и живущій въ безмолвіи и уединеніи, ибо „Христосъ заповѣди Свої опредѣлилъ вообще для всѣхъ, и ничего не законополагалъ особо для монаховъ, и особо для мірянъ“ (11 сл. All. LXV, I, 109).—„Для всѣхъ вообще, не для монаховъ только, но и для мірянъ, возможно всегда каяться и плакать, молиться Богу и преуспѣвать во всѣхъ добродѣтеляхъ. А что то, что я говорю, истинно, пишетъ преп. Симеонъ,—подтверждаетъ слово мое и св. Іоаннъ Златоустъ, великій столпъ и учитель Церкви, въ бесѣдѣ на 50-й псаломъ, гдѣ говоритъ, что и для того, кто имѣетъ жену и дѣтей, рабовъ и множество слугъ, большое богатство и почести, и кто великъ и славенъ по мірскимъ дѣламъ,—возможно не только каждодневно плакать, молиться и каяться, но достигнуть и совершенства добродѣтели и пріять Святаго Духа, содѣлаться другомъ Богу и сподобиться созерцанія Его. Таковы были жившіе прежде Христа: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Моисей..., и въ новой благодати—апостолъ Петръ... Они пользовались міромъ, какъ говоритъ ап. Павелъ, но не злоупотребляли. Почему, и живя въ мірѣ, они были славны и знамениты, и въ другой жизни въ Царствіи Небесномъ въ нескончаемые вѣки будутъ славнѣйшими и свѣтлѣйшими. Такъ и мы, если бы не были нерадивыми и безпечными презрителями заповѣдей Божіихъ, но усердными, ревностными и внимательными исполнителями ихъ, то не имѣли бы нужды оставлять имущества свои, удаляться отъ міра и дѣлаться монахами...“ (66 сл., II 142—143 = Mg. 33 ог. 497 AC, см. Опт. изд. стр. 159—160). Слѣдовательно,—можно и въ міру живя, сдѣлаться духоносцемъ, мистикомъ, лишь должно „бѣжать отъ пристрастія къ міру, сохранить себя неувязленнымъ отъ

грѣха и, находясь среди вещей и дѣлъ мірскихъ, среди попеченій и заботъ житейскихъ, проводить жизнь въ совершенной чистотѣ“ (сл. 66, Ап. V, II, 162—163).—„Итакъ, всѣ заповѣди, которыя Христосъ заповѣдалъ апостоламъ, равно заповѣдалъ Онъ и намъ, чтобы мы соблюдали ихъ всѣ до одной. И мы можемъ ихъ соблюсти, даже находясь въ мірѣ, но не хотимъ, потому что слабоваты въ вѣрѣ и любви ко Христу. Что это, сказанное мною сейчасъ, истинно, — подтверждаютъ всѣ, которые прежде закона, въ законѣ и по воплощеніи Спасителя нашего Христа благоугодили Богу, находясь въ мірѣ, съ дѣтьми и женами, и при всѣхъ попеченіяхъ мірскихъ, потому что совсѣмъ не имѣли пристрастія ко всему этому, но были отрѣшены отъ того произволеніемъ своимъ. Иные изъ нихъ по вѣрѣ и дѣламъ были болѣе свѣтлыми лицами, нежели тѣ, которые проводили жизнь въ горахъ и пещерахъ“ (74 сл., II, 246—247 = Mg. 22 ог., 420 D—421 A. ср. Опт. изд. стр. 35) ¹⁾. Такимъ образомъ, хотя преп. Симеонъ признаетъ, конечно, что для стяжанія мистическаго опыта человѣку существенно необходимъ особый образъ жизни, если не прямо монашескій, то приближающійся къ нему, и много разъ высказываетъ мысль, что монаху удобнѣе сдѣлаться духоносцемъ (ср. *divin. amor.* 516 AB), однако онъ не является одностороннимъ и пристрастнымъ проповѣдникомъ исключительной пригодности для стяжанія спасенія монашескаго образа жизни: и для монашествующихъ онъ указываетъ общій идеаль—„быть истинными христіанами (сл. 73, Ал. III, II, 230), и въ своихъ словахъ, главнымъ образомъ обращенныхъ къ монахамъ того монастыря, гдѣ преподобный былъ игуменомъ, постоянно, гдѣ только это было къ мѣсту, онъ съ необычайной энергіей и силой, съ трогательной ревностью о преуспѣяніи истиннаго монашества, нелицепріятно порицалъ недостойныхъ носителей великаго ангельскаго образа (см., напр., сл. 66, II, 160—168; сл. 73, II, 229—234 и, особенно, сл. 75, II, 259—266 = Migne 32 ог. 482 A—485 D., ср. Опт., 87 стр. и сл.).

4. Но для христіанина не только возможно и удобно, „послѣ воплощеннаго домостроительства Христова“,—зрѣть Бога, быть мистикомъ: это для него *существенно необходимо*. Вѣдь „если мы не облечемся во Христа Бога нашего“ и,

получивъ Духа Святаго, Который есть „сѣмя Христа“ (semen Christi), не содѣлаемся сродниками Христа... „если не сдѣлаемъ душъ своихъ очищенными покаяніемъ и преисполненными свѣта, то никакой не принесутъ намъ пользы всѣ другія дѣла“ (сл. 69. II. 202=Mg. 33 ог. 506 BC). Въ самомъ дѣлѣ: безъ стяжанія мистическаго воспріятія человѣкъ есть лишь оглашенный, ибо „оглашеннымъ слѣдуетъ называть не только невѣрнаго, но и всякаго, кто не зритъ славы Господа откровеннымъ лицомъ ума своего“ (сл. 80, II, 335, All. LV); душа такого человѣка, отверстая для вселенія діавола,—мертва, безчувственна, поработена грѣхомъ: „прежде, чѣмъ душа соединится съ Богомъ, прежде чѣмъ узрѣть, познаетъ и восчувствуетъ, что воистину соединена съ Нимъ,—она бываетъ совсѣмъ мертва, слѣпа, безчувственна“ (сл. 29, I, 257=Mg. 4 ог., 341, AB); „...какъ тотъ, кто стяжалъ благое сердце трудами и дѣланіемъ заповѣдей, имѣетъ въ себѣ все Божество, Которое есть благое сокровище..., такъ тотъ, кто творить злыя дѣла, уязвляется жаломъ смерти, грѣхомъ, и сквозь эту язвину и ужаленіе грѣха, тотчасъ, какъ червь, входитъ діаволь и живетъ тамъ внутри. Видишь ли, какъ тѣ, которые не сдѣлали сердецъ своихъ чистыми посредствомъ слезъ и покаянія, имѣютъ живущимъ внутри себя діавола, который есть злое сокровище?“ (сл. 80, II, 337—339; ср. сл. 87-е, II, 449, All. LXVI); „душа наша... безъ Духа Святаго мертва есть и совсѣмъ не можетъ жить жизнію вѣчною..., и прежде чѣмъ соединимся съ Нимъ и жить станемъ Имъ, да не глаголемъ, что работаемъ Господу“ (сл. 78-е, II, 305, All. LIII). Находясь въ такомъ нравственномъ состояніи, человѣкъ, естественно, не можетъ знать воли Божіей и не можетъ имѣть настоящей, истинной молитвы: „если ты не сподобился видѣть Самого Христа, то что тебѣ кажется, ужь живъ ли ты? И какъ можно тебѣ думать, что ты работаешь Господу, когда еще не видалъ Его? Если скажешь, что ты не сподобишься увидѣть Его и услышать гласъ Его, то отъ кого узнаешь волю Его, святую, угодную и совершенную. Если скажешь что ты обучаешься познанію ея изъ Божественныхъ Писаній, то я замѣчу тебѣ, что читаемое въ Писаніи настоящимъ образомъ познается, когда дѣломъ исполняется. Тебѣ же, который весь мертвъ есть и лежишь во тмѣ, какъ возможно даже услышать отъ Писанія волю Божію, а не только сотворить ее, и живу быть? Никакъ невозможно“ (II,

308). „Итакъ, прежде всего надлежитъ сдѣлаться вѣрнымъ я съ Богомъ примириться и содружиться... Душа съ Богомъ примирившаяся и содружившаяся бываетъ кроткою, смиренною и сокрушенною... и обрѣтаетъ покой, не бываетъ смущаема никакими чуждыми и неумѣстными помыслами. Таковая душа и молится какъ подобаетъ... и это невозможно ни для какого человѣка..., если душа его не содѣлается причастицею Святаго Духа, по мѣрѣ вѣры его во Христа...“ (сл. 8, I, 80—Mg. 15 ог. 388 BC). Безъ живого и сознательнаго мистическаго опыта нельзя познать, насколько намъ доступно, тайну евхаристіи, нельзя стяжать всыновленія Богу и твердой вѣры въ будущую жизнь и въ тайну воскресенія мертвыхъ; однимъ словомъ—нельзя спастись. „Со Христомъ соединяетъ благодать Святаго Духа, и кто не имѣетъ Духа Святаго обитающимъ въ себѣ завѣдомо, тому невозможно имѣть общеніе со Христомъ или видѣть славу Христа сознательно. Онъ не можетъ и Божественныхъ Тайнъ умно созерцать такъ, какъ бы видѣлъ Самого Христа и Бога, но видитъ только чувственно хлѣбъ и вино, которые стоятъ на трапезѣ и видимы чувственно. И сіе праведно страждутъ таковыя, потому что не получившіе благодати Святаго Духа не могутъ видѣть, ни познать Христа-Бога“ (сл. 87, II, 456, All. LXVI). „Подвизайтесь стяжать сознательно внутрь васъ Царствіе Небесное, т. е. благодать Святаго Духа, пишетъ преп. Симеонъ. Скажи мнѣ, какъ возможно увидѣть Отца Христова тому, кто не стяжалъ ума Христова? И тому, кто не видитъ, что внутри его говоритъ Христосъ, скажи мнѣ, какъ и какимъ способомъ возможно сказать: Авва Отче? Кто не стяжалъ сознательно внутрь себя Царства Небеснаго, тому есть ли способъ внийти въ него по смерти? Тому, кто не увидѣлъ, что въ немъ пребываетъ Сынъ со Отцемъ Его во Святомъ Духѣ, какъ возможно быть съ Нимъ въ будущей жизни?..“ (здѣсь ссылка на Іоан. XVII, 24 и 20—23; сл. 89, II, 471—472, All. XXXIV; ср. сл. 87, II, 452, All. LXVI). „Ты явилъ свои чудеса во мнѣ, самомъ недостойномъ и грѣшномъ слугѣ дракона-дѣвола, — читаемъ въ другомъ мѣстѣ писаній преп. Симеона. Ты даровалъ мнѣ невечерній свѣтъ, и мою осіянную душу объяла тьма (et tandem collustrata anima mea tenebris appleta). Ты дай мнѣ слова повѣдать всѣмъ о чудесахъ Твоихъ, чтобы безпечные и маловѣрные, не вѣрующіе въ возможность спасенія грѣшниковъ, познали, что это

для Твоей благодати всегда было, есть и будет легко; чтобы тѣ, которые полагаютъ, что имѣютъ Тебя въ себѣ, однако говорятъ, что не видятъ Тебя и не живутъ въ свѣтѣ, познали, что нѣтъ Тебя въ ихъ загрязненныхъ сердцахъ и что тщетна ихъ надежда узрѣть Тебя въ будущей жизни. Но вѣрнымъ овцамъ Твоимъ здѣсь дается прочный залогъ. Кто какимъ въ будущую жизнь вошелъ, такимъ и пребудетъ. Это страшно... Подобно тому, какъ слѣпой, не видѣвшій свѣта этого солнца, никогда его не увидитъ, такъ и умершій „со слѣпымъ умомъ“ никогда не увидитъ Бога, а будетъ пребывать во тьмѣ и въ отдаленіи отъ Бога. А это—величайшее и тяжелѣйшее несчастіе и лишеніе для вѣрующаго и христіанина, ибо кто отдѣляется отъ Бога, тотъ лишается всякаго блага“ (div. amog. 2 cap. Mg. 511 BD) ¹⁾. „Духоносцы имѣютъ житіе свое на небесахъ, сдѣлавшись изъ людей болѣе ангелами, а не имѣющіе Духа сидятъ еще во тьмѣ прародительской и въ сѣни смерти, прикованные къ землѣ и земному. И тѣ освѣщаются обильно мысленнымъ невечернимъ свѣтомъ, а эти только чувственнымъ; тѣ видятъ и себя самихъ и ближнихъ (у Migne'я: emori),—а эти, видя каждый день и себя самихъ и ближнихъ умирающими душевною смертію, не знаютъ и не вѣрятъ, что есть воскресеніе мертвыхъ, судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ его“ (гл. 174, II, 565=Migne 644—645 D). „И если душа не восчувствуетъ, что Царство Божіе пришло въ нее и воцарилось въ ней, нѣтъ ей надежды спасенія“ (сл. 44, I, 366=Mg. 13 or, 379 A). Посему—„не говорите, что нельзя принять Св. Духа, что безъ Него возможно спастись, что Его можно воспринять несознательно; что Бога люди не могутъ видѣть, что они не могутъ зрѣть свѣта, особенно въ настоящее время...“ (div. am., Mg. 544 BC). Разъ съ живымъ мистическимъ опытомъ связаны такія существенно-важныя для духовной жизни чело-вѣка слѣдствія, то, собственно и строго говоря, немистикъ не есть и христіанинъ: „тщетно именуется христіаниномъ тотъ, кто не имѣетъ въ себѣ благодати Христовой ощутительно“ (in agnitione), т. е. такъ, чтобы опытно зналъ, что имѣетъ въ себѣ таковую благодать (поясняетъ еп. Теофанъ, см. сл. 22, I, 204=Mg. 14 or., 381 D—382 A) ²⁾. Истинный

¹⁾ Ср. *Holl*, op. cit., ss. 47—48.

²⁾ Ср. еще сл. 25, I, 228—230—Mg. 27 or., 452 D—454 A.

христiанинъ долженъ быть „небеснымъ“, каковъ есть Христосъ, родоначальникъ истинныхъ духоносцевъ: „а если ты не таковъ,—говорить преп. Симеонъ,—то какъ присваиваешь себѣ имя христiанина?.. Старайся быть небеснымъ... Христосъ далъ намъ хлѣбъ животный, вкушающіе отъ котораго не увидятъ смерти. И вотъ „небесные“—безгрѣшные—вступаютъ въ безсмертную жизнь“ (div. am. Mg. 580 D—581 B), получаютъ въ души свои „печать Христову“ (div. amog. 593 A), ибо „такова о насъ воля Бога, создавшаго насъ и насъ почтившаго и прославившаго славою образа Своего“ (сл. 89, II, 477, Ал. XXXIV). И когда человѣкъ „сознательно“ принимаетъ въ себя Христа и дѣлается „разумнымъ“ жилищемъ Св. Духа, то оживаетъ духовно: „какъ только Духъ Святый войдетъ и вселится въ насъ,—сочетываетъ и связуетъ нервами духовной силы добродѣтельныя дѣянія, которыя сами по себѣ остаются мертвыми, отдѣленными одно отъ другого, какъ бездушные члены,—связуетъ любовью къ Богу и такимъ образомъ содѣлываетъ насъ новыми и живыми изъ ветхихъ и мертвыхъ, каковы мы сами по себѣ. Другимъ способомъ невозможно ожить и жить душѣ“ (сл. 78, II, 305); человѣкъ получаетъ способность точно различать добро и зло, что есть основа духовно-нравственной жизни: „какъ для того, чтобы видѣть видимыя твари, потребенъ чувственный свѣтъ, такъ и для того, чтобы видѣть мысленныя вещи, потребенъ свѣтъ умный,... Свѣтило умное, Солнце правды, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, подающій свѣтъ умнымъ очамъ душевнымъ, чтобы мысленно видѣли мысленное и невидимое... И если не возсіяетъ умное наше Солнце, нельзя видѣть стреминъ зла и ровныхъ путей правды, красящихся повелѣніями Божиими“ (сл. 24, I, 223—224=Mg. 10 or. 365 D—366 A); наконецъ, лишь при этомъ условіи получаетъ человѣкъ и опытное познаніе всего христiанства: „когда вселится въ насъ Богъ и откроетъ намъ Себя завѣдомо (знательно, осязательно) — пишетъ преп. Симеонъ, тогда и мы прозримъ къ вѣдѣнію, т. е. уразумѣемъ дѣйственно тѣ божественныя таинства, которыя сокрыты въ Божественныхъ Писаніяхъ“,... достигнемъ „причастія благъ и созерцанія ихъ“. Но какія это блага, о коихъ я здѣсь поминаю? Совершенная любовь къ Богу и ближнему, презрѣніе всего видимаго, умерщвленіе плоти, плотскихъ членовъ, которые на земли, и срамной грѣховной по-

хоти; такъ чтобы, какъ мертвый ни о чемъ не помышляетъ и ничего не чувствуетъ, такъ и мы не помышляли совершенно ни о какомъ зломъ похотѣніи, и не чувствовали никакого насильственного и властнаго давленія на насъ грѣха, искушающаго насъ, но помнили бы только заповѣди Спасителя нашего Иисуса Христа, безсмертіе и нетлѣніе, славу непрестающую, жизнь вѣчную, Царство Небесное, и всynoвленіе, полученное нами чрезъ новое рожденіе отъ Духа Святаго, въ коемъ (рожденіи) содѣлались мы сынами Божиими и богами по благодати, наслѣдниками Божиими и сонаслѣдниками Христу, — помнили бы также, что съ сими благами стяжали мы и умъ Христовъ, или духъ Христовъ, и благодать Св. Духа, и умомъ познали Бога и Самого Христа, обитающаго въ насъ и сшествующаго намъ въ насъ. И такъ тѣ, которые, слыша заповѣди Божіи, творятъ ихъ, сподобляются богато получить всѣ эти неизреченныя блага, подаемыя ради творенія заповѣдей, посредствомъ... отверстія умныхъ очей душевныхъ..." (сл. 49, I, 444—445=Mg. 19 ог. 402 CD).

Такимъ образомъ, во всемъ вышеизложенномъ мы видимъ, какъ преп. Симеонъ, устраняя всѣ три главныя возраженія противъ возможности христіанскаго мистицизма, именно: 1) что, согласно Св. Писанію (ср. проф. Ал. Ив. Введенскаго), человѣкъ вовсе не можетъ „зрѣть Бога“; 2) что если и можетъ, то лишь въ будущей жизни, а не теперь, и 3) если допустить ужъ, что и въ настоящей жизни люди могутъ зрѣть Бога, то должно признать, что это возможно лишь „святымъ“, исключительнымъ избранникамъ, а не простымъ „рядовымъ“ христіанамъ,—соотвѣтственно устанавливаетъ такія положенія: 1) „по удостовѣренію Божественныхъ Писаній“ „дѣло сіе (т. е. непосредственное единеніе съ Богомъ, „содѣлаться едино съ Тѣмъ, Кто выше всякой мысли“) — возможно, и въ истинной своей силѣ бываетъ въ дѣйствительности, и совершается завѣдомо съ сознаніемъ его“ (гл. 149 и 150, II, 557=Mg. 634 CD);—2) „и нынѣ есть и среди насъ вращаются“ истинные мистики, т. е. „люди безстрастные, святые и исполненные Божественнаго свѣта“ (гл. 118, II, 545=Mg. 659—660 D) и 3) „всякій, по причинѣ неисполненія и нарушенія заповѣдей Божіихъ, собственнo самъ себя лишаетъ такихъ благъ (т. е. мистическаго опыта), соотвѣтственно своей неисправности“ (гл. 150, II, 557).

II. Но здѣсь самъ собою встаетъ рядъ вопросовъ: если всѣ люди принципиально могутъ быть мистиками, то почему на дѣлѣ не всѣ становятся ими? и какой изъ этого положенія можно указать выходъ, разъ стяжаніе мистическаго опыта обуславливаетъ собою, какъ мы видѣли выше, спасеніе и связано съ нравственной отвѣтственностью?—Преп. Симеонъ ясно и опредѣленно указываетъ, что, дѣйствительно, *фактически лишь очень „немногіе сподобляются видѣть свѣтъ“* (сл. 56, II, 27 = Mg. 698 C): „...лишился я, пишетъ онъ, Твоего свѣта, который всѣ желаютъ, но немногіе обрѣтаютъ... Нѣкоторыхъ Ты удостоиваешь зрѣнія Твоихъ тайнъ, допускаешь ихъ до матеріальнаго сообщенія, но въ нематеріальномъ чувствѣ, съ Твоими невыразимыми и страшными тайнами и даешь имъ познать въ видимомъ невидимую славу и новую тайну; но хорошо знаю, что мало такихъ, которые эти тайны созерцаютъ ясно (*admodum pauci sunt, sat scio, qui haec liquido apud animum suum contemplati fuerunt, d. a. 12 cap. 523 D*), ибо „какъ даютъ разумѣть сказанныя Христомъ Господомъ слова: много званнхъ, мало же избранныхъ,—и: въ дому Отца Моего обитатели многи суть,—такъ и знайте всѣ вы, что святыхъ много, а безстрастныхъ (т. е. достигшихъ совершенства, мистиковъ) немного“ (сл. 84, II, 398, All. L). Причина ¹⁾ же того, что большинство людей даже среди христіанъ суть немистики, т. е. „не сподобились еще пріять и вкусить свѣта Божія“, — заключается въ ихъ нерадѣніи и неисправности, въ „неисполненіи и нарушеніи заповѣдей Божіихъ“: „кто не имѣетъ таковой благодати (т. е. сознательнаго мистическаго опыта), это явно бываетъ изъ неблагоговѣинства и дерзости его въ отношеніи къ священному и божественному, также изъ гнѣвливости скорой, изъ мудрованія его несмиреннаго, изъ тщеславія и другого по-

¹⁾ Ср. *Вл. С. Соловьевъ*, собр. соч. I изд., т. VII „Оправданіе добра“, стр. 178—179: есть люди, „лишенные воспримчивости къ свѣту Божества“, и для этого можно даже привести телеологическое объясненіе (именно — интересы специализаціи труда ради „реальнаго объединенія человѣчества“), не исключающее, однако, нравственной отвѣтственности самого невѣрующаго. Ср. *проф. А. И. Бриллиантовъ*. Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ I. С. Эригены. Спб. 1898, стр. 435: лишь нѣкоторые, немногіе—мистики, по дѣйствію благодати.—Ср. *В. Джемсъ*. Многообразіе религіознаго опыта. Москва, 1910, стр. 193—194: люди малоспособные и совсѣмъ неспособные къ религіознымъ переживаніямъ.

добнаго“ (сл. 22, I, 204 = Mg. 14 or. 382 A) ¹⁾. — „Всѣ такіе люди еще во тѣмѣ сидятъ и во тѣмѣ ходятъ,—и не хотятъ, какъ должно, покаяться. Покаяніе есть дверь, которая выводитъ человѣка изъ тѣмы и вводитъ въ свѣтъ. Почему, кто не вошелъ еще въ свѣтъ, тотъ очевидно не добръ и не какъ слѣдуетъ прошелъ черезъ дверь покаянія. Ибо если бы онъ прошелъ чрезъ нее добръ, то непременно вступилъ бы въ свѣтъ... Кто не кается, согрѣшаетъ, что не кается. И во второе пришествіе Господне, на тѣхъ, которые нынѣ не хотятъ вйти въ свѣтъ..., откроется свѣтъ, сокрытый нынѣ, и сдѣлаетъ явными всѣ ихъ сокровениости“ (сл. 79, II, 318—319 = Mg. 20 or. 407 AC). Сознаніе же того, что способность богознанія заложена въ каждомъ (ср. div. am. 2 сар. 514 A: sic est in omni divinum Trinitatis lumen) и что главная причина отсутствія у человѣка мистическаго опыта—его собственное нежеланіе (ср. div. am. 509 C ²⁾) пережить вполнѣ доступное духовно-нравственное измѣненіе (ср. II, 339),—заставляетъ даннаго человѣка немистика особенно сильно чувствовать свою личную неисправность и обязываетъ его быть особенно осторожнымъ въ отверженіи принципиальной возможности богосрѣнія. Преп. Симеонъ пишетъ: „если не хочешь меня послушать и для стяжанія ихъ (т. е. высокихъ добродѣтелей) возымѣть всегдашнимъ и постояннымъ дѣломъ то, что я тебѣ сказалъ, по крайней мѣрѣ не хули того ни ты, ни другой кто, говоря, будто это невозможно“ (сл. 69, II, 200 = Mg. 33 or. 505 C). „...Посмотри-ка: говоря, что тому, кто не хочетъ, невозможно быть такимъ (т. е. мистикомъ), — ты вѣдь самъ себя обличаешь, что не хочешь и не произволяешь быть имъ: ибо, если захочешь быть имъ, можешь. Пусть впрочемъ ты не таковъ; но Богу хотящу, есть другіе многіе, которыхъ ты не знаешь.—Если во время пророка Іліи Богъ имѣлъ семь тысячъ человѣкъ, не преклонявшихъ колѣнъ предъ Вааломъ, т. е. не идолопоклонствовавшихъ; то гораздо больше найдется истинно Богу поклоняющихся во времена сіи (новозавѣтныя), когда Богъ богато излилъ на насъ Духа Святаго. Впрочемъ, если кто не совлечется всего препятствующаго

¹⁾ Ср. *Migne*, 712 BC: почему не всѣ мистики и какъ быть мистикомъ?

²⁾ ...verum nos semper nosmet a te abscondimus, dum ad te venire volumus.

сему и не притечетъ къ Богу нагимъ и не взыщетъ получить то, виновать въ этомъ тотъ, кто не хочетъ, а не Богъ“ (сл. 89, II, 476, All. XXXIV) ¹⁾. Отсюда, каждый человѣкъ, особенно христіанинъ, если не можетъ быть фактическимъ богозрителемъ, то не только можетъ, но и долженъ вѣрить въ возможность богозрѣнія для человѣка, при извѣстныхъ условіяхъ, конечно,—и посылно дѣломъ къ сему стремиться, возлагая всѣ возможныя здѣсь недоумѣнія на волю и мудрость Божію: „ты же, возлюбленный,—пишетъ преп. Симеонъ,—если не знаешь еще того, о чемъ я говорю (т. е. о высотахъ мистическаго опыта), не отчайся и не скажи: того, о чемъ ты говоришь, я совсѣмъ не знаю, и не могу тому научиться, и не чаю, чтобы могъ когда-либо достигнуть до высоты такого вѣдѣнія, созерцанія и чистоты. Но опять не скажи и такъ: если невозможно войти въ Царствіе Божіе тому, кто еще въ настоящей жизни не облечется во Христа, яко Бога, не взойдетъ до созерцанія Его и не достигнетъ того, чтобы Онъ обиталъ внутри его (я же не могу успѣть ни въ чемъ такомъ); то какая мнѣ польза и подвизаться ради этого, изъ-за этихъ подвиговъ лишать себя наслажденія настоящими благами?—Смотри, не говори такого слова и даже не думай такъ. Но если тебѣ угодно и если желаешь послушать моего совѣта, я, съ помощію Духа Святаго, истолкую тебѣ, въ чемъ настоящій путь и способъ спасенія. Итакъ, перво-на-перво, отъ всей души повѣрь, что все сказанное мною есть совершенная истина, свидѣтельствуемая Божественными Писаніями, и что всякій вѣрующій въ Сына Божія долгъ имѣть быть именно такимъ: ибо намъ дана область чадами Божіими быть, и если восходемъ, нѣтъ къ тому никакого препятствія. Для этого было все воплощенное домостроительство и снисшествіе Сына Божія на землю, т. е. для того, чтобы насъ сдѣлать общниками и наслѣдниками Божества и царства Своего посредствомъ вѣры въ Него и соблюденія заповѣдей Его. Ибо если не увѣруешь, что это бываетъ именно такъ, какъ я сказалъ выше, то конечно не станешь и искать того, а не взыскавши не полу-

¹⁾ Здѣсь неумѣстно и недобросовѣстно ссылаться на Божественное предопредѣленіе, ср. слово 26-ое, I, 232—241 = eth. 2, All. XLVIII: „о покаяніи и противъ тѣхъ, которые криво толкуютъ слѣдующія слова божественнаго Павла: „ихже предувѣдъ, тѣхъ и предустави и пр.“ (Рим. VIII, 29 и сл.).

чишь. Послѣ же того, какъ увѣруешь, послѣдуй Божественнымъ Писаніямъ и дѣлай все, что они тебѣ говорятъ. Поступая такъ, найдешь все это, какъ написано мною, непогрѣшительнымъ. И не только это, но найдешь и другое многое, больше этого—найдеши написаннымъ въ Божественныхъ Писаніяхъ. Что же это такое? То, чего око не видѣло, о чемъ ухо не слыхало, и что человѣку на сердце не виходило,—блага, уготованныя Богомъ любящимъ Его. И если ты несомнѣнно повѣришь тому, что я сказалъ, то всеконечно увидишь это и ты, какъ и Павелъ, и восхищенъ будешь въ рай, куда вошелъ разбойникъ вмѣстѣ со Христомъ, и услышишь тамъ неизреченные глаголы“ (сл. 52, I, 480—481, XIII).

Итакъ, вотъ искомый нами выходъ: если не всѣ люди суть и даже (фактически, по нравственной необходимости, которая предполагаетъ однако свободу произволенія въ подвигѣ) могутъ быть мистиками, т. е. обладателями мистическаго воспріятія, то каждый внимательный, искренній и способный къ самонаблюденію человекъ, присматриваясь къ своей духовной организаціи и къ своей душевной жизни, долженъ быть мистицистомъ, т. е. человѣкомъ, вообще признающимъ (если не у себя самого, то по крайней мѣрѣ у другихъ людей) существованіе мистическаго воспріятія и все, что съ симъ признаніемъ связано ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, внимательный и непредвзятый анализъ вскрываетъ уже въ нашемъ чувственномъ познаніи элементы мистическіе, а непосредственное самосознаніе человѣкомъ своей богоподобной личности, съ ея безконечными стремленіями къ безусловнымъ идеаламъ истины, добра и красоты, удостовѣряетъ его непоколебимо въ томъ, что человѣкъ, сродный „иному“, лучшему міру, можетъ имѣть непосредственное и живое постиженіе и идеальныхъ вещей, можетъ имѣть сверхчувствен-

¹⁾ См. проф. А. Ив. Введенскій. Философ. очерки, 1901, вып. I, стр. 48; ср. и у Вл. С. Соловьева можно различить три категоріи лицъ по ихъ отношенію къ мистическому опыту: 1) мистики, 2) люди серьезновѣрующіе, т. е. мистицисты и 3) люди вовсе невѣрующіе, атеисты, которые отвѣтственны за свое невѣріе, хотя Высшая Воля и направляетъ вполнѣдствіи ихъ „худо“ къ тому, чтобы оно было „не безъ добра“, соч. т. VII, стр. 179.—Ср. В. Джемсъ. Многоопр. религ. опыта: самъ Джемсъ мистицистъ; для немистиковъ достаточно быть мистицистами 413—414, признавать не одни факты, но и гипотезы, стр. 418.

ный опытъ, а, если не имѣетъ, то долженъ съ вѣрой и смиреніемъ стремиться стяжать его ¹⁾. Въ твореніяхъ преп. Симеона не только можно найти устанавливаемое имъ различіе между немистиками и мистиками, или духоносцами (гл. 174, II, 565 = Mg. 644 D—645 D), но и подмѣтить различіе имъ среди послѣднихъ трехъ категорій, именно: мистицистовъ ²⁾, мистиковъ, проходящихъ подвигъ совершенствованія, и мистиковъ, достигшихъ совершенства: „кто *втруетъ* тому, что я сказалъ,—пишетъ онъ въ главѣ 140-й, II, 554=Mg. 632 D,—тотъ блаженъ. Кто *дѣлательно* подвизается посредствомъ священныхъ подвиговъ достигнуть вѣдѣнія о томъ (опытно познать то), тотъ треблаженъ. Кто посредствомъ дѣланія и созерцанія *достигъ высоты* такого состоянія и, какъ сынъ, дошелъ до Самого Бога, тотъ, чтобы не сказать нѣчто большее, есть Ангелъ“.

III. Теперь вступаетъ въ свои права третье изъ указанныхъ выше основныхъ возраженій противъ возможности христіанской мистики и оспариваетъ возможность точно установить подлинность мистическаго воспріятія. Дѣйствительно, удостовѣриться оторисительно того, что переживаемая мистикомъ мистическія откровенія — истинны, весьма важно, ибо доподлинно извѣстно, и это признается преп. Симеономъ, что, кромѣ мистики подлинной, божеской, есть мистика поддѣльная—демоническая—и мистика мнимая, т. е. естественно-человѣческая. Божеская мистика имѣетъ въ своей основѣ истинное мистическое воспріятіе, или непосредственное единеніе съ Богомъ, и тѣ явленія и внѣшнія дѣйствія, которыми мистическое воспріятіе сопровождается, или въ обстановкѣ которыхъ возникаетъ, немислимы безъ правдой вѣры въ Бога и безъ самоотверженнаго нравствен-

¹⁾ Вопросы „о самопознаніи, какъ основѣ богопознанія“, столь важнаго для теоріи мистики, мы думаемъ болѣе подробно коснуться въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же, во-первыхъ укажемъ главнѣйшія сочиненія, которыя мы имѣли въ виду при наслѣдованіи данной проблемы: *Иеромон*. (потомъ епископъ) *Михаилъ* (Грибановскій). Истина бытія Божія, Спб. 1888, *проф. Несмѣловъ*. Наука о человѣкѣ, т. I, Казань 1898, *Вл. Соловьевъ*, соч. т. II и др.; во-вторыхъ, укажемъ въ твореніяхъ преп. Симеона мѣсто, гдѣ ясно говорится о глубокомъ значеніи для богопознанія самопознанія — сл. 80, II, 342—343, All. LV, eth. 9, ср. *Нол*, op. cit. в. 67.

²⁾ Ср. *Нол*, op. cit, s. 85, см. также слова преп. Симеона, сл. 22, I, 206 = Migne 14 op. 383 AB.

наго подвига. Мистика демоническая основывается на искаженномъ мистическомъ воспріятіи, т. е. на вторженіи въ челоуѣческую душу нѣкоей злой мысленной силы,—и на страстяхъ, полонившихъ душу, обыкновенно и главнымъ образомъ на гордости и чувственности (демоническіе: телепатія, медиумизмъ—одержимость, ясновидѣніе). Демоны суть причины того, что люди отпадаютъ отъ истиннаго своего природнаго устроенія, лишаются правильныхъ условій „умнаго зрѣнія“, просвѣщенія „истиннымъ Свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго челоуѣка, вступающаго въ міръ добродѣтелей“, и впадаютъ въ ложную мистику: „простая и несложная душа, говоритъ преп. Симеонъ, не можетъ заболѣть и страдать такъ же, какъ тѣло. Какъ же заболѣваетъ она и страдаетъ? Отъ измѣненія ея помысловъ и стремленій, когда, будучи умною силою, устремляется она къ безсловеснымъ пожеланіямъ и неразумному гнѣву. Это же отъ чего бываетъ? Это бываетъ отъ сторонняго вліянія. Есть иныя мысленныя силы, демоны, которые мысленно приближаются къ душѣ и искушаютъ ее, возмущая ея естественныя движенія: ибо она всегда находится въ движеніи, будучи по естеству приснодвижна. Такъ, когда душа хочетъ зрѣть право, демоны наводятъ нѣкій мысленный мракъ и мѣшаютъ ей зрѣть право и непогрѣшительно, но побуждаютъ призраки и фантазіи принимать за истину“ (сл. 24, I, 220—225=Mg. 10 ог. 364 А—366 D. особенно 364 В). Но нельзя впадать и въ такую крайность, что всю безъ исключенія мистику считать демонической—это „крайнее нечестіе, паче нежели ересь“: „иныя, пишетъ преп. Симеонъ, и о всемъ томъ, относительно чего Божественное Писаніе свидѣтельствуетъ и удостовѣряетъ, что оно бываетъ отъ Духа Святаго и отъ Божественнаго воздѣйствія, какъ изъ себя вышедшіе и все Божественное Писаніе отвергшіе, и все вѣдѣніе, подаемое симъ Писаніемъ, изъ ума извергшіе, не трепещутъ говорить окаянные, что такіа дѣйствія бываютъ отъ опьяненія и демоновъ... Они, когда слышатъ о Божественномъ осіяніи или освѣщеніи души и ума, или о созерцаніи и безстрастіи..., омрачаются паче очами души своей, чѣмъ просвѣщаются, и съ великою продерзостью рѣшаютъ, что это отъ прелести бѣсовской, и не трепещутъ окаянные ни суда Божія, ни вреда, причиняемаго тѣмъ, кои слышатъ ихъ“ (сл. 64, II, 125—127, All. XXXII).—Наконецъ, кромѣ демонической мистики, есть мистика собственно-че-

ловѣческая, которая вытекаетъ или изъ душевной болѣзни, или изъ невѣжества, или изъ легкомыслія (телепатія, ложные сны; ясновидѣніе, какъ проявленіе подъема нервной системы обыкновеннаго человѣка, и спиритизмъ, какъ явленіе естественной силы), и имѣющія въ ней мѣсто внѣшнія дѣйствія и явленія покоятся на мнимомъ (кажущемся, почитаемомъ лишь таковымъ) мистическомъ воспріятіи, въ которомъ объектомъ являются—или неузнанныя человѣкомъ состоянія его собственнаго сознанія, или естественныя силы природы внѣшней, еще не изученныя и, потому, почитаемыя сверхъестественными. Должны существовать строго опредѣленные способы для различенія подлиннаго, ложнаго и мнимаго мистическаго воспріятія; дѣйствительно, преп. Симеонъ даетъ намъ цѣлую, глубоко и детально разработанную „теорію проверки“ мистическихъ переживаній.

Должное прохожденіе „пути спасенія“ (или наученія мистическому воспріятію) непременно совершается, какъ извѣстно, подъ руководствомъ „духовнаго отца“, который самъ, конечно,—мистикъ, имѣетъ живой мистическій опытъ. И вотъ, новонаначальному мистику, въ случаѣ его сомнѣній въ подлинности своего мистическаго опыта, прежде всего слѣдуетъ обратиться за разъясненіями и удостовѣреніемъ къ своему духовному отцу, который, какъ человѣкъ опытный духовно и просвѣщенный благодатью Св. Духа, т. е. „имѣющій духовное зрѣніе и духовный слухъ, повидавъ своего ученика и поговоривъ съ нимъ нѣсколько разъ, усматриваетъ самую душу его, т. е. познаетъ, какова она и въ какомъ состояніи находится; даже по виду лица его узнаетъ, сподобился ли онъ пріять Духа Святаго“, по словамъ его опредѣляетъ степень его духовнаго совершенства (сл. 79, II, 325—326. All. XXVIII), ибо „особенный и рѣшительно вѣрный признакъ святыхъ есть слово, исходящее изъ устъ ихъ“ (сл. 80, II, 337, All. LV),—и удостовѣряетъ истинность (или ложность) его мистическихъ созерцаній: „если близко отъ него (т. е. отъ новонаначальнаго мистика) находится тотъ, кто прежде сказывалъ ему, что видѣлъ Бога,—пишетъ преп. Симеонъ—то идетъ къ нему и говоритъ: о, отче! я видѣлъ то, о чемъ ты говорилъ мнѣ. Тотъ спрашиваетъ его: что ты видѣлъ, чадо мое? Видѣлъ я, отче, свѣтъ тихій сладчайшій; но что это была за сладость, не могу выразить. Когда говоритъ онъ это, сердце его трепещетъ отъ радости и ли-

куетъ, и пламенѣеть любовію къ тому, кто явился ему. Потомъ опять начинаетъ онъ говорить со многими теплыми слезами: какъ явился мнѣ, отче, свѣтъ оный, тотчасъ исчезла келлія моя, исчезъ міръ, отбѣгши, какъ кажется, отъ лица Того, Кто явился мнѣ, и остался я одинъ со свѣтомъ онымъ,—и не знаю, отче, въ тѣлѣ ли я былъ тамъ тогда, или внѣ тѣла; тогда не понималъ я, былъ ли облеченъ въ это тѣло и носилъ ли его; впрочемъ сознавалъ, что я существую, и что есть во мнѣ неизреченная радость, и любовь, и пламеннѣіе сердца великое, и слезы рѣкою текли у меня, какъ и теперь текутъ, какъ видишь. Тотъ говоритъ ему въ отвѣтъ: это Тотъ, о Коемъ я говорилъ тебѣ;—и съ этимъ словомъ тотчасъ опять узрѣваетъ Его“ (сл. 63, II, 117—118).—Но вѣдь дѣло въ томъ, что такого „настоящаго“ духовнаго отца очень трудно найти: надо не только встрѣтить такого человѣка, но и—что самое главное—распознать его и его духовность, а для этого должно уже самому быть (хотя немного) духовнымъ человѣкомъ, „имѣя очищеннымъ око души“, быть въ состояніи „добрѣ видѣть и различать вещи, какъ онѣ есть воистину“ (сл. 79, II, 326 и ср. гл. 79, II, 532 = Mg. 641—642 B): мистики „по духу своему“ распознаются только отъ Бога, „къ Коему устремлены всѣмъ желаніемъ и всею любовью, и Коего умно зрятъ непрестанно“ (сл. 49, I, 446 = Mg. 19 ог. 403 C), и лишь тотъ, кто пребываетъ въ Богѣ, въ Богѣ все видитъ и познаетъ (сл. 79, II, 327). Богъ же въ этомъ распознаваніи бываетъ помощникомъ лишь тому человѣку—христіанину или язычнику, вѣрному или невѣрному,—который „прежде всего другого подвизается въ добрыхъ дѣлахъ и непрестанно молить Бога о вразумленіи“,—„самъ отъ себя, сколько то для него возможно, заботясь о спасеніи своемъ“, если онъ—христіанинъ, и, слѣдуя внушеніямъ врожденнаго человѣку религіознаго инстинкта и естественнаго нравственнаго закона, если онъ „невѣрующій еще во Христа и почти язычникъ“, какъ, напримѣръ, сотникъ Корнилій (сл. 11-е, I, 98—102, All. LXV); человѣкъ же „омраченный тьмою страстей и похотей“, не можетъ „прийти на свѣтъ учителей истинныхъ“, а „попадаетъ на какого-либо прелестника или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста“ (I, 98, 101, 102), не умѣя, по причинѣ грѣховнаго мрака, отличить его по весьма опредѣленнымъ признакамъ, изъ коихъ важнѣйшіе суть — „исканіе

славы человѣческой, съ беззаботнымъ преступленіемъ заповѣдей Божіихъ, чтобы угодить людямъ“ (I, 105—106), „не-благоговѣнство и дерзость въ отношеніи къ священному и Божественному“ и отсутствіе кротости и смиренія (сл. 22, I, 204 = Mg. 14 ог. 382 A). — Итакъ, направленный къ добру человѣкъ получаетъ отъ Бога возможность найти и распознать истиннаго духовнаго отца-мистика, который узнается не по знаменіямъ и чудесамъ, могущимъ быть и не отъ Бога (сл. 60, II, 90; All. LXXIII), а по тому, что онъ — смиренъ, чуждъ страстей, особенно плотскихъ (сл. 16, I, 153—154=Mg. 17 ог. 394 D), молится со страхомъ и благоговѣніемъ“ (I, 157, Mg. 396 C), самоотверженно отданъ Богу и подвигу христіанской любви ¹⁾ (до способности возлюбить враговъ своихъ и не имѣть зависти къ успѣхамъ святыхъ, сл. 80, II, 333—334; All. LV), вообще живетъ по заповѣдямъ Христовымъ (ср., напр., сл. 30 I, 266—267; Mg. 3 ог. 335 B, D) и учить (между прочимъ — о мистическомъ воспріятіи) „согласно богодухновенному ученію апостоловъ Христовыхъ и божественныхъ отцовъ“ (сл. 60, II, 90), „которые говорятъ отъ Духа, собственно въ нихъ пребывающаго“ (II, 122, Al. LI). Такого человѣка можно принять въ свои руководители и „слушать слова его, какъ слова Христовы“ (II, 90),—и онъ поможетъ своему духовному сыну въ важнѣйшемъ: въ различеніи помысловъ (ср. сл. 67, II, 183—184, Mg. 704, BC), относительно чего мы читаемъ у преп. Симеона слѣдующее: „всѣ козни и хитрости, какія бы ни употребляли демоны, чтобы увлечь умъ его (т. е. „человѣка, напавшаго на духовнаго отца истиннаго и возымѣвшаго къ нему послушаніе въ совершенствѣ“) къ помысламъ многимъ и разнообразнымъ, бываютъ уничтожаемы и разсѣиваемы: ибо тогда умъ такого человѣка, будучи свободенъ (въ силу истиннаго послушанія) отъ всего, имѣетъ благовременіе, безъ всякой помѣхи, изслѣдовать наносимые демонами помыслы и съ великимъ удобствомъ отгонять ихъ, и чистымъ сердцемъ приносить молитвы свои Богу“. Затѣмъ мистикъ-ученикъ, углубляясь въ свои мистическія созерцанія, долженъ постоянно и охотно подвизаться и ду-

¹⁾ Сл. 11-е, I, 104—105, All. LXV: признаки истинныхъ и ложныхъ учителей; „по симъ признакамъ умѣющие разсуждать могутъ различать, кто сыны Божіи и кто сыны діавола“.

ховно-нравственнымъ подвигомъ, чтобы „придя въ чинъ и состояніе, подобное святымъ, быть въ состояніи легко узнавать святыхъ, достигшихъ сей мѣры“ (сл. 80, II, 343, All. LV), дабы такимъ способомъ постоянно сохранять живую вѣру въ своего руководителя, какъ въ „несомнѣннаго духовосца“, и чрезъ то всегда имѣть въ словахъ его прочный критерій для удостовѣренія подлинности своего мистическаго опыта. Самъ преп. Симеонъ даётъ намъ примѣръ свѣдѣтельства истиннаго духопросвѣщеннаго наставника, который говоритъ объ основахъ православной мистики съ дерзновеніемъ и убѣжденностью, не допускающей сомнѣнія: „...мы истинно во едино соединены бываемъ съ Богомъ и не раздѣльны бываемъ съ Нимъ..., пишетъ преп. Симеонъ. Послушайте же это вы, почитающіе себя духовными, и повѣрьте Духу Святому, говорящему сіе... и не браните меня, говорящаго вамъ, словомъ благодати, о дарахъ, которые получаютъ отъ Бога прибѣгающіе къ Нему съ теплою вѣрою и исполняющіе заповѣди Его. Ибо я, говорящій сіе, слуга есмь и говорю вамъ словеса Божіи, проявляю даръ ученія, данный мнѣ, и открываю вамъ сокровенныя тайны Божіи силою сего дара, полученнаго мною чрезъ возложеніе рукъ архіерея, рукоположившаго меня во іерея... Итакъ, братія мои, Духъ есть говорящій сіе, а не я. Если же я говорю ложь, то куда убѣгу отъ страшнаго суда Божіа, по коему въ пагубу посылаются глаголющіе ложь, какъ говоритъ Давидъ: погубиши вся, глаголющія лжу? (Пс. V, 7)...“ (сл. 89, II, 473—474, All. XXXIV) *).

Свящ. Павелъ Аникіевъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки